

«Тяжело быть старым клоуном»

Новые Известия
№ 18, - 2002
- 25 дек. - с. 6

Пьер Ришар сыграл Робинзона и собирается в Сибирь

Юрий КОВАЛЕНКО,
«Новые Известия», Париж

— Последний раз вы были в России в 2001 году со спектаклем «Страсти по Ришару», который играли с сыновьями — музыкантами Оливье и Кристофом. Путешествие в наше Отечество требует от теплолюбивых французов определенного куража...

— Я бы не сказал этого о нашей последней поездке. Конечно, мы уставали — нам приходилось ночью перебираться из одной точки в другую, а на следующий день уже играть. Однако все компенсировала неопределимая радость выступлений перед залом на две тысячи мест, который стоя горячо нас приветствовал.

— Кто-то из иностранцев назвал Россию страной угнетительного гостеприимства...

— Оно такое горячее, спонтанное и полное энтузиазма, что действительно порой устаешь. Каждый встречный-поперечный обязательно просит тебя с ним сфотографироваться... Что же касается застолья, то еще труднее мне приходилось в Грузии, где тосты длиннее, чем в России. Тем не менее этот ритуал, который практически не существует в Европе, дает возможность выразить свои чувства по отношению ко всем присутствующим. Правда, потом начинаешь задаваться вопросом: когда же все это кончится и можно будет что-то съесть. Вдобавок угнетительно все время следить за собой, чтобы не выпить лишнего, — но иначе и в России целыми днями ходил бы пьяным.

— Но вы не поставили точку в российских выборах?

— Ни в коем случае. В феврале будущего года я собираюсь снова ехать в Сибирь, на этот раз в Ханты-Мансийск. Мне предложили поучаствовать в жюри международного фестиваля кинематографических дебютов «Дух огня».

— Вы используете эту поездку и для обсуждения новых проектов?

— Пока у меня ничего нет. Их было так много, но ни один не осуществился.

— Наши режиссеры вам обещали роль Шарикова в экранизации «Собачьего сердца»...

— Я сам себя предложил на эту роль. Мне тут же сказали: «Да, разумеется, замечательно». Потом какие-то молодые постановщики делали мне предложения, которые повисали в воздухе...

— Рустам Ибрагимбеков для вас вроде бы сочинил сценарий.

— Действительно, сценарий он написал, но на этот раз мне не очень подошел персонаж. Рустам, видимо, не заметил, что я за последние 20 лет сильно изменился и сочинил роль для того Ришара, каким я уже больше не являюсь.

— Ваш лучший русский друг Никита Михалков тоже ведь собирался снять вас в своем фильме?

— Ни о чем конкретном мы с ним не договаривались, хотя я знаю, что он меня очень любит. Однажды мы с Михалковым и другими друзьями сидели в московском «Кафе Пушкин». Никита произнес в мою честь тост, в котором говорил обо мне такие вещи, какие никогда не писал ни один французский киноактер. Это был фантастический анализ моего творчества и моих персонажей. Я был ужасно взволнован, и мы оба пустили слезу и рухнули в объятия друг друга.

— И что же такого он о вас сказал? Не скромничайте!

— Повторить никак не могу, ибо я действительно человек скромный. Мне было очень приятно это услышать, но я не стану кричать на всех перекрестках: «Эй вы, слушайте, что Михалков сказал обо мне!»... Я обожаю Никиту и как друга, и как режиссера, но он снимает фильмы русские по своей сути. Что мне делать в его картинах — разве что однажды он найдет какую-нибудь французскую историю?

— Заглавная роль в «Дяде Ване» тоже из области утопии?

— Совсем нет! Я надеюсь ее сыграть, но только во Франции. В России я вряд ли рискну. Ваши актеры, в которых Чехов заложен генетически, несомненно, исполняют эту роль лучше меня. Правда, и во Франции дядю Ваню когда-то чудесно сыграл Мишель Пикколи.

— Помните, вы еще хотели попробовать свои силы в роли короля Лира...

— Я пока еще слишком молод, и Лир может подождать. Я пользуюсь последними мгновениями, чтобы сыграть другие роли.

— Ни в одной стране мира, включая Францию, вас так не любят, как в России. Вы пытались понять причины этого чувства?

— Я не в силах его объяснить. Может быть, иррациональные по своей сути русские поняли меня, француза, который в чем-то им близок. Их, наверное, тронули некоторые стороны моего поэтического героя. В отличие от большинства моих соотечественников, я не являюсь рационалистом-картезианцем. Да и в моих старых фильмах мало диалогов и много действий, а такой юмор понять гораздо проще.

— Французы так гордятся своим чувством юмора. Оно у них иное, чем у россиян?

— Я бы не сказал, что мой юмор типично французский. К тому же французы скорее наделены не чувством юмора, а остроумием, а это нечто другое. Остроумие заключается в том, чтобы смеяться над другими, а чувство юмора — над самим собой. Это скорее английское качество.

— Похоже, что и ваше творческое содружество с Грузией сошло на нет?

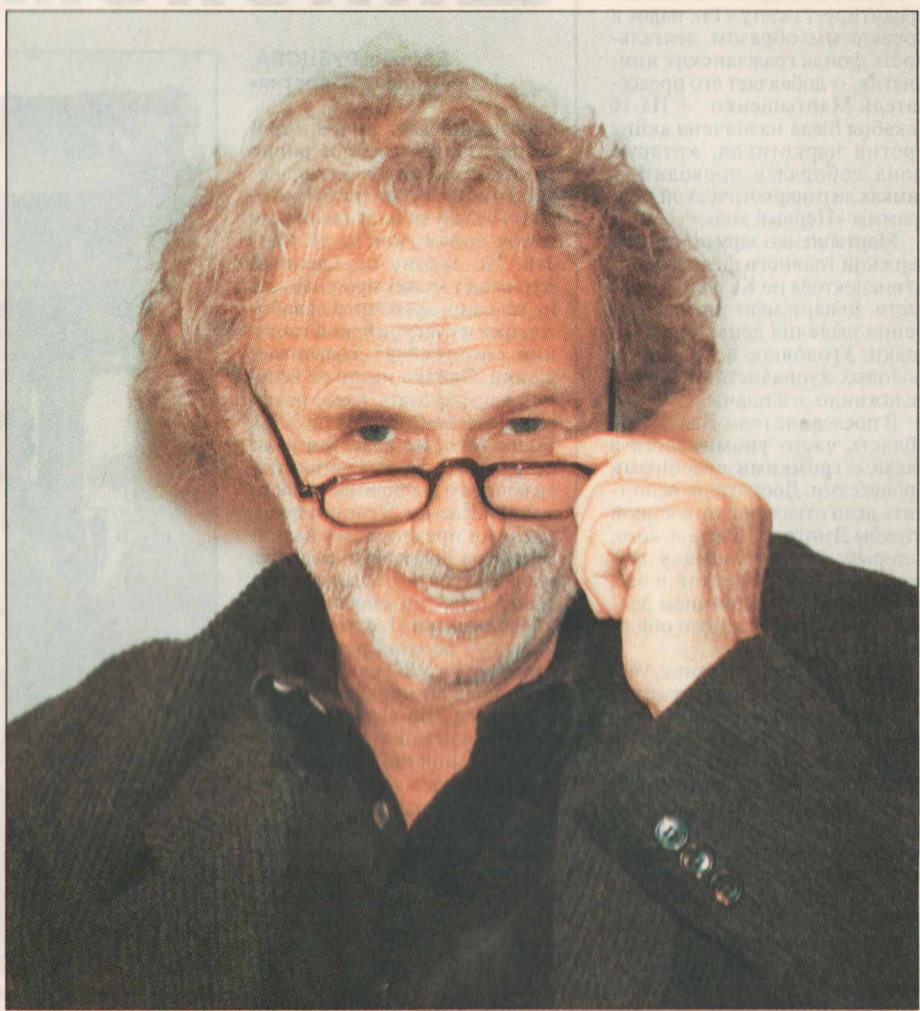
— После того как я снялся в фильме Наны Джорджадзе «Тысяча и один рецепт влюбленного кулинару», я сыграл роль одну небольшую роль в другом ее фильме. Это связано еще и с тем, что в Грузии сегодня не так много режиссеров — Нана и Отар Иоселиани.

— Когда вы вернетесь на театральную сцену?

— Я только что написал текст — некое подобие юмористических мемуаров о моей карьере. Я сомневаюсь над собой и время от времени над другими. Мне повезло, я работал со многими великими, о которых я говорю с большой нежностью, но и вспоминаю некоторые их слабости. Я собираюсь издать книгу и сделать мюзикл-спектакль.

— Недавно умер режиссер Ив Робер, который фильмом «Высокий блондин в черном ботинке» принес вам неслыханную популярность...

— Да, Роберу я обязан всем. Именно он в свое время выбрал меня, тогда абсолютно безвестного артиста, на роль в спектакле по пьесе Мрожека, которая прошла с большим успехом. Помню, как он мне сказал: «Ты не актер, ты персонаж. Ты должен сам сочинять для себя фильмы». После чего я вместе со своим другом написал сценарий «Разини». Я сыграл у Робера в «Блаженном Александре», а затем в «Высоком блондине...». Это было ровно 30 лет назад!

НАТАЛЬЯ ПОЛИЩА

— Не кажется ли вам, что жанр кинокомедии переживает глубокий застой. То, что выходит на экраны, совсем не смешно...

— Нет. Просто она стала другой. Изменился стиль, появились другие актеры. Некоторые картины пользуются большим успехом — например, «Астерикс». Может быть, этот фильм не слишком понравился в России, потому что он очень французский, рассказывающий историю борьбы галлов с римлянами... К тому же после падения Берлинской стены началось безудержное голливудское вторжение, в результате которого американцы завоевали всю Европу.

— Можно ли считать комедий ленту «Амели Пулен», которая стала самой успешной французской картиной последних лет?

— Это скорее фильм поэтический. В нем нашло отражение несколько идиллических образов Парижа 50-х годов — с Монмартром и его фольклором. Такой Париж, к счастью, еще жив. Нас еще полностью не захватили «Макдоналдсы».

— В истории кинематографа великих комических актеров было, пожалуй, меньше, чем гениальных трагиков...

— Потому что быть комиком гораздо труднее. Вместе с тем такие великие комические актеры оказывались большими трагиками. Достаточно вспомнить Чаплина или Бурвиля.

— А кроме Чаплина и Бурвиля кого вы считаете великими комиками?

— Американца Бастера Китона, а во Франции — Жака Тати, он же Татишев. Для меня Тати — величайший французский режиссер, который снимал комедии.

— Комедии быстрее стареют, чем трагедии...

— Нет, гениальные комедии не стареют, стареют лишь средние или плохие. Это никак не связано с жанром.

— Но комик все-таки быстрее трагиков сходит с дистанции...

— Это потому, что им нужна спонтанность, свежест, в том числе и физическая. Тяжело превращаться в старого клоуна. Вот почему с возрастом лучше менять амплуа, что, собственно говоря, я и сделал. Самые известные комик в своих последних фильмах смотрятся несколько печально, что вызывает жалость. Они, как никто другой, должны уметь вовремя уйти со сцены, тогда как можно быть гениальным старым трагиком — седым, скрюченным, уставшим и великолепно играть Шекспира.

— Французский кинематограф ежегодно выдает на гора сотни полторы фильмов, а смотреть почти ничего...

— И все-таки он чувствует себя лучше, чем его английские коллеги. Национальный центр кинематографии спас наше кино и от телевидения, и от нашествия американского кино. К сожалению, теперь телеканция «Канал +» в отличие от прошлых лет предпочитает включать деньги в футбол, а не в кино.

— В какой новой роли вы вас увидим?

— Еще вчера у меня были волосы до плеч. Я ведь только что вернулся с Кубы, где в течение трех месяцев снимался в телевизионном фильме «Робинзон Крузо», который выйдет на экраны в феврале будущего года.

— Он у вас неловкий и рассеянный?

— Совсем нет. С этим я давно покончил. Напомним, что Робинзон занимался торговлей рабами, и на острове ему приходится долгие годы выживать в одиночку. Фильм очень актуален, ибо среди прочего повествует об отношениях человека с природой, которая, как мы знаем, в последнее время так от него страдает.

— Есть ли надежда увидеть вас и на широком экране?

— Недавно я снялся в фильме «Рене» французского режиссера Катрин Корсини. Я играю роль старого соблазнителя, которому по-прежнему худо-бедно удается покорять женские сердца.

— А в жизни вы тоже соблазнитель?

— Нет. Настоящие сердцееды — это Ален Делон или Грегори Пек. Роли Казановы или Дон Жуана не для меня. Мне в жизни удавалось кое-кого соблазнить, но я никогда не превращал это в систему. Я чего-то добивался не потому, что был красив, а потому, что обладал, наверное, каким-то шармом. Правда, мне всегда нужно было время, чтобы показать, какой я трогательный и забавный.

— В поисках вдохновения вы обращаетесь к творчеству писателей-юмористов?

— Я обожаю О.Генри, Джером К.Джерома,

Пьера Даниноса. Последний — образец французского остроумия. Сейчас я читаю книги латиноамериканских писателей — в частности, Жоржи Амаду.

— Вы оптимист или пессимист?

— Я считаю себя жизнерадостным пессимистом. К себе самому я отношусь вполне оптимистично, но весьма пессимистично — к будущему моих сыновей и внуков, которых у меня пять. Причины тому в избытке. Окружающая среда отражается, озоновый слой становится все тоньше, ледники тают. Распространение мирного атома грозит новым Чернобылем. Мировая экономика напоминает загнанную лошадь. Повсюду в мире не затихают конфликты — империалистические, религиозные и прочие. При этом русские и американцы разменивают Ирак на Чечню: «Ты мне не мешай в Багдаде, я тебя не буду мешать в Грозном».

— Основанная вами четверть века назад фирма «Фиделин» еще снимает кино?

— В прошлом мы сделали очень много фильмов, но сейчас я уже от всего отказался. В моем возрасте мне не хочется тратить полгода или год на производство картины, ибо я хочу отныне посвятить себя своему актерскому ремеслу, а не сидеть по уши в дерьме, занимаясь продюсерскими проблемами.

— Вы человек не деловой?

— Нет, всеми моими делами занимается моя сестра. Хотя и она женщина не очень деловая, но ей пришлось заняться мною в силу обстоятельств — больше было некому. Я люблю все представлять себе в общих чертах, меня всегда пугают детали.

— Поставляете ли вы еще ваше вино в Россию?

— В свое время мне удалось продать вам какое-то количество бутылок. Немного. А потом разразился знаменитый кризис 1998 года. Как и с кино, я получал от ваших соотечественников массу предложений, обещаний — одно заманчивее другого. Ко мне приходили какие-то русские, которые обещали скупить чуть ли не все мое вино. Мы с ними обедали, ужинали, а потом они исчезали и никогда больше не появлялись. Я помню, как один человек заявил, что он организует целую сеть ресторанов «Пьер Ришар» по всей России. Я попросил его подготовить мне бизнес-план, но и он тут же бесследно пропал.

— За ужином вы пьете собственное вино или предпочитаете бордо или бургундское?

— Я не пью только мое вино, иначе оно мне бы быстро надоело. К тому же я не пью вино каждый день, а когда пью — не больше пары бокалов. Когда я был молодым, мне, как и всем, приходилось напиваться, но потом я понял, что после хорошей выпивки я обычно два дня приходил в себя. И я решил, что игра не стоит свеч: два часа счастливого опьянения перечеркивают два дня тяжелого похмелья.

— Именно такой полусухой режим помог вам так прекрасно выглядеть в 68 лет?

— Я никогда не строил свою жизнь, исходя из того, чтобы меньше выпивать и сохранять себя. Я продолжаю заниматься спортом, совсем мало курю, но все это делаю я не по какому-то расчету, а потому что мне это нравится. У меня никогда не было и нет какой-то программы сохранения здоровья.

— Я видел вас на теннисном финале Кубка Дэвиса. Вы хранили олимпийское спокойствие, даже когда ваши проигрывали...

— Я наблюдал в биннокл на Ельциным и опасаюсь, что мы проиграем, ибо знал силу Марата Сафина. Я рассчитывал на утомленного Кафельникова, но тот не оправдал моих надежд и уступил место юному Южному. И когда он выиграл один сет и счет стал 2:1 в пользу Матве, я понял: «Мы продули».

— Популярный и ныне маркиз де Кюстин завершил свои легендарные путевые заметки в Россию 1839 года фразой: «Когда ваши дети вздумают роптать на Францию, прошу вас, воспользуйтесь моим рецептом, скажите им: поезжайте в Россию!.. Каждый, близко познакомившийся с ней, будет рад жить в какой угодно другой стране»...

— Россия всегда находилась под игмом царей, Сталина или Брежнева, а сегодня при Путине, насколько я понимаю, закручиваются гайки в том, что касается свободы прессы. России не удается стать демократической страной по западному образцу. Я всегда любил русских, но не могу этого сказать о вашем политическом строе.